

Год 12090-й от Рождества Христова.

Человеческая раса обитает в мире тьмы.

Или, возможно, правильнее будет сказать: царит темный век, поддерживаемый наукой.

Все семь континентов опутаны паутиной сверхскоростных магистралей, а в центре сети расположился полностью автоматизированный кибергород, известный как Столица,

— продукт передовых научных технологий.

Дюжина погодных контроллеров управляет климатом.

Межзвездные путешествия — больше не оторванная от реальности мечта.

В огромных космопортах теснятся неуклюжие транспортники, и изящные корабли, приводимые в движение галактической энергией, гордо устремляются в небесные эмпиреи, а исследовательские партии и впрямь оставляют следы на пыльных тропинках далеких, не входящих в Солнечную систему планет, — к примеру, на Альтаире и Спике.

Однако сейчас все это — не более чем мимолетный сон.

Посмотрим-ка на великую Столицу.

Толстые одеяла пыли наброшены на дома и минареты, построенные из полупрозрачного металлического хрусталя, кое-где виднеются гигантские и крохотные воронки от взрывов и лазерных лучей.

Большинство автоматических дорог и трасс на магнитных подвесках разрушены, и обломки машин обречены метаться туда-сюда, точно блуждающие метеоры.

А люди?

Сонмы людей!

Нескончаемые людские потоки наводняют улицы.

Толпа смеется, кричит, рыдает, свидетельствуя свое почтение столице; здесь плавильный котел существования, здесь жизненная энергия бьет ключом, гранича с полным хаосом.

Но одежда... такую одежду не ожидаешь увидеть на хозяевах некогда гордой метрополии.

Мужчины в изношенных штанах и кафтанах, воскрешающих память о средневековье, и в потрепанных рясах: такие могли бы носить члены какого-нибудь религиозного ордена.

Наряды женщин тусклых тонов, ткань платьев груба на ощупь

— где пестрота, где пышность?

Сквозь бурлящую толпу мужчин с мечами у пояса или луками и колчанами за спиной пробирается автомобиль с бензиновым двигателем, наверняка взятый из какого-нибудь музея.

Оставляя за собой клубы черного дыма и постреливая глушителем, машина везет группу блюстителей закона, вооруженных лазерными пистолетами.

Вдруг раздается дикий крик, и из одного из домов, пошатываясь, вываливается женщина.

По ее нечеловеческому воплю люди уже инстинктивно догадываются об ужасной причине криков и вызывают шерифа и его людей.

Те появляются на сцене довольно быстро, интересуются у плачущей женщины, где находится сердце ее страха, входят в указанное здание

— с лицами едва ли не бледнее, чем у обескровленной свидетельницы.

На лифте с индивидуальным приводом они спускаются на пять сотен этажей.

В одном из подземных проходов — из тех, что предположительно были уничтожены века назад

— обнаруживается закрытая дверь, а за ней

— просторный склеп, где дневными часами дремлют в деревянных гробах, наполненных сырой землей, аристократы, кровожадные создания ночи.

Шериф и его люди, не мешкая, приступают к действиям.

К счастью, здесь, кажется, нет свирепых зверей, на место не наложены проклятия, электронные пушки и охранная лазерная система также отсутствуют.

Аристократы обречены.

Полицейские сжимают в кулаках грубо обструганные осиновые колья и поблескивающие железные молотки.

Люди белы как мел от страха и осознания собственной греховности.

Черные силуэты окружают гроб, чья-то рука вздымается к небесам, миг — и вот уже наносятся удары.

Раздается глухой стук, затем

— страшный вой, и склеп наполняется запахом крови.

Тоскливый крик становится тише, потом замирает, а группа переходит к следующему гробу.

Когда блюстители закона покидают склеп, лица их запачканы кровью, а тень греха залегает отчетливее и трагичнее, чем до осуществления миссии.

Хотя знать практически вымерла, от чувства гордости, выросшего из благоговейного страха людей и за десять долгих тысячелетий ставшего неотделимым от самой крови аристократов, так просто не избавиться.

Потому что когда-то они действительно правили человеческой расой.

И потому что автоматизированный город

— ныне населенный теми, кому никогда не постичь принципа действия всех механизмов и не извлечь и микроскопической доли прибыли, которую способна приносить Столица

— и все остальное в этом мире, все, что можно назвать цивилизацией, оставили после себя они.

Они — вампиры.

Жесткое расслоение на вампиров и людей произошло на 1999 году истории человечества, когда хозяева земли обрели быстрый и бесславный конец.

Кто-то нажал кнопку, развязав полномасштабную ядерную войну, о которой человеческую расу давно, очень давно предупреждали.

Тысячи межконтинентальных баллистических ракет носились над планетой, превращая города, один за другим, в раскаленный ад, но число жертв непосредственно бомбежек далеко отстало от количества смертей, вызванных радиацией, убийственная мощь которой в десятки

тысяч раз превышала силу рентгеновского излучения.

Теория ограниченной ядерной войны, в соответствии с которой бои ведутся благоразумно, так, чтобы победители впоследствии могли восстановить утраченное и править людьми заново, потерпела крах в долю секунды, сгорев дотла в миллионноградусных пожарах.

Число выживших было ничтожно.

У них, страшась внешнего мира с его токсичной атмосферой, не осталось иного выбора, кроме как на несколько лет укрыться в подземных убежищах.

Когда же люди наконец поднялись на поверхность, то обнаружили лишь руины прежней цивилизации.

И если у кого и возникли мысли о том, что изолированные человеческие общины, лишённые возможности связаться с выжившими в других странах, способны вернуться на путь, по которому они шагали до разрушения, или заново сотворить цивилизацию, то скоро мысли эти сошли на нет как пустые фантазии, и только.

Началась регрессия.

Поколение за поколением боролись исключительно за выживание, а память о прошлом все больше тускнела.

Через тысячу лет численность населения возросла, но цивилизация оказалась отброшена на уровень Средневековья.

Страшась мутантов, порожденных радиацией и космическим излучением, люди объединились в небольшие группы и двинулись вглубь леса и на равнины, которые по прошествии немалого времени вновь покрылись зеленью.

В сражениях с жестокой окружающей средой людям порой приходилось убивать новорожденных, чтобы сохранить популяцию, численность которой ограничивалась весьма скромными количествами пищи.

Иной раз младенцы отправлялись прямиком в пустые желудки родителей.

Вот такое было время.

И в этом черном-пречерном, полном суеверий мире появились они.

Как им, вампирам, удалось укрыться от людских глаз и жить-поживать в глубокой тени, неясно.

Однако их биологическая форма в точности соответствовала легендам и наилучшим образом подводила их к роли новых хозяев истории.

Нестареющие и неумирающие, пока вкушают кровь иных существ, вампиры помнили культуру, о которой человеческая раса напрочь забыла, и точно знали, как ее восстановить.

Еще до ядерной войны вампиры, таящиеся в темных углах планеты, наладили связь друг с другом.

У них имелись мощнейшие источники энергии, секретно разработанные в собственноручно построенных убежищах, и необходимый минимум оборудования, требующегося для воссоздания цивилизации, когда самое худшее уйдет в прошлое.

Никто не утверждает, что именно вампиры развязали ядерную войну.

Обладая интуицией, владея черной магией и небывалыми физическими возможностями, о которых люди и не подозревали, вампиры наверняка знали, что человеческая раса уничтожит себя и им, вампирам, придется наводить в мире порядок.

Цивилизация была восстановлена.

Сформировались две ветви общества — вампиры и люди.

Вскоре стало очевидно, сколько трений и разногласий принесет это разделение.

За две тысячи лет после своего выхода на великую сцену истории вампиры сотворили мир, движимый сверхнаукой и колдовством, назвали себя аристократами, или знатью, и поработили человечество.

Автоматизированный город с электронным мозгом и призрачной душой, межзвездные корабли, погодные контроллеры, способы создания любых веществ путем преобразования материи

— все это родилось благодаря их, и только их, мыслям и действиям.

Однако кто мог представить, что всего через пять коротких тысячелетий они окажутся на пороге полного исчезновения?

В конце концов, история принадлежала не только им.

Искра жизни, глубинная, основополагающая, в расе вампиров горела куда тусклее, чем в людях.

Правильнее будет сказать, что в самом существовании вампиров был заложен элемент, предопределивший неизбежное их исчезновение.

К концу четвертого тысячелетия цивилизация вампиров начала выказывать феноменальный энергетический упадок, что вызвало великое восстание людей.

Хотя вампиры досконально изучили физиологию человеческого мозга и возвели психологию как науку на уровень, откуда можно с легкостью манипулировать человеческим сознанием, выяснилось, что подавить стремление к свободе, теплящееся в глубине людских душ, решительно невозможно.

Одно восстание следовало за другим, вампиры слабели и раз за разом заключали с людьми перемирия, во время которых на короткий срок восстанавливалось спокойствие.

Однако постепенно аристократы просто угасли, исчезли, смирившись со своей участью.

Кто-то покончил с собой, кто-то погрузился в сон, которому было суждено длиться до скончания времен.

А кто-то отправился в глубины космоса, хотя таких оказалось крайне мало; вообще-то вампиры не стремились основывать колонии во внеземном пространстве.

Во всяком случае, число аристократов неуклонно уменьшалось, пока не стало совсем ничтожным — вампиры рассеялись прежде, чем люди успели организовать преследование.

К 12090 году роль вампиров свелась лишь к террору на землях Фронтيرا.

Поскольку эта цель стала единственным смыслом жизни знати, люди испытывали перед вампирами ужас, пробирающий до самых глубин души.

Честно говоря, то, что человечеству удалось спланировать и осуществить восстание, несмотря на разрозненность и леденящее отчаяние, можно назвать настоящим чудом.

Ужас людей перед вампирами, спящими днем и пробуждающимися ночью, чтобы сосать живую кровь, продлевая собственную жизнь, стал частью вампирической мифологии, наравне с древними легендами о превращениях в летучих мышей и волков и способности контролировать стихии.

В результате хитрых психологических манипуляций, буйно расцветших в минувший век

технологий страх сей прочно укоренился в человеческом подсознании.

Говорят, что когда люди в первый раз подписывали пакт о перемирии с вампирами

— своими правителями, то всех представителей человеческой стороны без исключения трясло так, что аж зубы стучали.

И хотя вампиров в Столице было уже не сыскать днем с огнем, людям потребовалось триста лет, чтобы проверить каждую улицу и каждое здание.

Итак, если вампиры обладали невероятной силой и властвовали над миром

— почему же они не истребили расу людей?

Вот неразрешимый вопрос.

Может, они просто боялись уничтожить источник пищи?

Нет, способ синтеза человеческой крови, неотличимой от настоящей, они изобрели еще на первой стадии своего развития.

Если вспомнить о ручном труде, то к тому времени, как разразился мятеж, у вампиров имелось достаточно роботов.

Воистину, зачем вампиры позволили людям существовать, даже в качестве подчиненных,

— загадка.

Вероятно, дело в каком-нибудь комплексе превосходства, а может, аристократам просто было жалко простолюдинов.

С тех пор люди почти не видели вампиров, но страх остался.

Иногда, очень редко, бывшие хозяева ночи появлялись из мрака, чтобы оставить следы клыков на бледных шеях жертв, и тогда кто-нибудь как одержимый искал их, сжимая в руках осиновый кол, но чаще соседи просто изгоняли укушенного, усердно молясь о том, чтобы следующий визит вампира не состоялся.

Охотники стали результатом людского страха.

Будучи практически несокрушимыми, вампиры не спешили уничтожать мутантов, которых после войны развелось во множестве и которых люди так боялись.

Наоборот, аристократы полюбили свирепых тварей, приручили их, стали опекать и даже собственноручно создавали подобных.

Благодаря своим несравненным познаниям в биологии и генной инженерии вампиры одного за другим выпускали в мир живых легендарных монстров: оборотней-волков и оборотней-тигров, людей-змей, големов, эльфов, гоблинов, ракшасов, призраков, зомби, баньши, огнедышащих драконов, несгорающих саламандр, грифонов, кракенов и так далее.

И хотя ныне творцы практически исчезли, творения по-прежнему свирепствуют в горах и на равнинах.

Обработывая землю при помощи той скудной техники, что позволяла использовать звать, защищаясь старомодными огнестрельными ружьями или самодельными мечами и копьями, люди поколениями изучали природу искусственно созданных чудовищ, постигая их сильные и слабые стороны.

Со временем некоторые стали специализироваться исключительно на изготовлении оружия и способах убийства диких тварей.

Итак, одни озаботились производством все более и более эффективного оружия, а другие, обладающие исключительной силой и ловкостью, принялись учиться обращению с этим оружием.

Эти особые воины и были первыми охотниками.

Время шло, и сфера деятельности охотников все сужалась: появились, например, охотники на тигрооборотней и охотники на фей.

Однако охотники на вампиров превосходили прочих силой и интеллектом, а также железной волей, невосприимчивой к страху, внушенной людям прежними властителями земли.

Утром Дорис разбудило надсадное лошадиное ржание.

В окно спальни лился свет, извещая о начале нового дня.

Девушка обнаружила, что лежит на кровати, одетая точно так же, как вечером, когда Ди вырубил ее.

И действительно, Ди перенес Дорис в постель сразу же по окончании своей стычки с

незванными гостями.

После нападения вампира нервы девушки были на пределе, а поиски охотника, державшие красавицу в постоянном напряжении, совершенно вымотали ее, но после того, как Ди погрузил нанимательницу в дрему, Дорис крепко и безмятежно проспала до самого утра.

Невольно потянувшись к горлу, девушка вспомнила, что случилось прошлой ночью.

«А что тут творилось, пока я спала?»

Он сказал, что у нас гость.

Интересно, Ди справился?..»

Дорис в панике соскочила с кровати, но вдруг лицо ее просветлело.

Некоторая заторможенность еще имела место, но в остальном все вроде бы было в норме.

Ди не дал ее в обиду.

Сообразив, что она даже не показала охотнику его комнату, девушка торопливо пригладила взъерошенные после сна волосы и выбежала из спальни.

Тяжелые шторы в гостиной были плотно задернуты; в углу сумрачного помещения обнаружилась софа, с края которой свисала пара сапог.

— Ди, ты действительно сделал это, да?

Я знала, что не ошиблась, наняв тебя!

Из-под широкополой шляпы, прикрывающей лицо лежащего, раздался все тот же тихий голос:

— Я лишь делаю свою работу.

Прости, кажется, я забыл включить барьер.

— Ерунда,

— оживленно отмахнулась Дорис и взглянула на часы.

— Всего-навсего начало восьмого.

Поспи еще.

А я быстренько приготовлю завтрак.

Повкуснее!

Снаружи снова громко заржала лошадь, напомнив Дорис о посетителе.

— Кого это принесло в такую рань?

— Девушка шагнула к окну с намерением отдернуть занавеску, но резкий возглас «Нет!» остановил ее.

Охнув, Дорис повернулась к Ди; лицо ее опять, как вчера, когда она попыталась помешать ему приблизиться, искажил ужас.

Она вспомнила, кем на самом деле является этот привлекательный охотник.

И все же девушка улыбнулась, не только потому, что была отважной, но и потому, что от природы имела веселый нрав.

— Извини.

Попозже я устрою тебя поуютней.

В любом случае отдыхай пока.

Произнеся это, она все-таки отступила к окну и отогнула краешек шторы, но едва Дорис бросила взгляд за окно, ее милое личико превратилось в маску чистейшей ненависти.

Девушка кинулась в спальню за своим любимым кнутом и, пылая негодованием, вылетела во двор.

Перед самым крыльцом восседал на гнедой кобыле неуклюжий увалень лет двадцати четырех

— двадцати пяти.

С кожаного пояса, отягчающего необъятную талию, свисал пороховой десятизарядный пистолет, которым всадник, несомненно, весьма гордился.

Хитренькие глазки под рыжей шевелюрой ощупывали каждый дюйм фигуры Дорис.

— Чего тебе надо, Греко?

Кажется, я просила не шляться здесь больше!

— рывкнула Дорис тем же командным тоном, которым бросала вызов заезжему охотнику, и злобно зыркнула на гостя.

В мутных глазах мужчины мелькнули гнев и смущение, но тут же губы его растянулись в похотливой ухмылке:

— Ну-ну, не сердись так.

Я приехал, беспокоясь за тебя,

— и вот благодарность?!

Кажется, ты сейчас ищешь охотника, так?

Может, на тебя напал наш старый лорд, а?

Дорис мгновенно вспыхнула

— замечание Греко попало прямо в цель:

— Дурак!

Пора бы повзрослеть!

Если ты и твои грязные городские дружки будете распространять про меня дикие сплетни только потому, что я не желаю иметь с тобой ничего общего, то придется тебя кое-чему научить!

— Да ладно, не напрягайся так,

— пожал плечами Греко.

И продолжил, сверля девушку изучающим, подозрительным взглядом:

— Тут позапрошлой ночью в салуне один бродяга плакался, что у холма на краю города какая-то по-настоящему сильная девчонка решила испытать его мастерство и надрала ему задницу, прежде чем он успел вытащить меч.

Ну, я поставил ему выпивку, разузнал подробности, и по трезвому размышлению вышло, что девчонка та

— ну вылитая ты.

На сладкое еще он добавил, что девчонка чертовски ловко орудует каким-то странным хлыстом, а в наших краях никто, кроме тебя, милашка, не ходит с плеткой.

Греко показал глазами на кнут в правой руке Дорис.

— Да, я искала кое-кого.

Кого-то, кто окажется хорош.

Тебе, как и любому другому, отлично известно, какой урон недавно причинили городу мутанты.

Здесь дела не лучше.

Мне уже не под силу управляться со всем в одиночку.

Выслушав ответ Дорис, Греко слабо улыбнулся:

— В таком случае тебе всего-навсего надо было обратиться к Попсу Кашингу, это он у нас отвечает за розыск новых талантов.

Знаешь, пять дней назад один местный видел, как ты в сумерках гнала дракона к замку лорда.

И вот теперь, в довершении всего, ты тайком от всех ищешь какого-то загадочного помощника.

— Голос толстяка изменился радикально, став угрожающим:

— Ну-ка, размотай-ка свой шарфик.

Дорис не шелохнулась.

— Не можешь, вот как,

— хохотнул Греко.

— Так я и думал.

Наверное, мне следует отправиться в город и перекинуться парой слов с... ну, полагаю, продолжать нужды нет.

Итак, что скажешь?

Просто будь умницей и согласись на то, о чем я прошу тебя все это время.

Если мы поженимся, ты станешь невесткой мэра.

Тогда никто в городе не ткнет в тебя вонючим пальцем или...

Прежде чем рот наглеца изверг новые грязные слова, раздался резкий щелчок, и гнедая, заржав от боли, встала на дыбы.

Хлыст Дорис молниеносно ужалил лошадиный бок.

Массивное туловище седока в мгновение ока вылетело из седла и шлепнулось на землю.

Греко охнул и схватился за ушибленную задницу.

Гнедая же, громко стуча копытами, умчалась прочь с фермы, не оглядываясь на своего хозяина.

— Так тебе и надо

— за все мерзости, которые сошли тебе с рук, потому что ты прятался за спиной папаша.

— Дорис рассмеялась.

— Мне плевать на него и его приспешников.

А если тебе припекло, можешь тащить сюда и папочку своего, и своих дружков в любое время.

Я не стану убегать и скрываться.

Но учти, когда я в следующий раз увижу тут твою уродливую рябую рожу, я шкуру с тебя спущу, так и знай!

Физиономия Греко вспыхнула

— еще бы, от молодой леди странно услышать столь грубые выражения, а уж когда они швыряются тебе в лицо...

— Сука, ты и верно чертовски хороша...

Меж тем правая рука мужчины потянулась к пистолету.

Черная молния снова расколола напоенный солнцем воздух

— и оружие полетело в кусты, растущие за спиной Греко.

А ведь ему, чтобы выхватить десятизарядник, обычно требовалось не более половины секунды.

— В следующий раз в полет отправится твой нос... или ухо.

Ума Греко хватило на то, чтобы сообразить, что слова девушки не пустая угроза.

Прикусив язык, гость стремительно покинул ферму, попутно потирая то запястье, то сидалище.

— Этот навозный жук ничто без своего папаши,

— презрительно бросила Дорис, повернулась

— и оцепенела.

В дверях, одетый в пижаму, но с лазерной винтовкой в руках, застыл Дэн.

В больших круглых глазах мальчика кипели слезы.

— Дэн, ты... ты все слышал?

Паренек механически кивнул.

Греко стоял лицом к дому, но о Дэне не упоминал

— мальчик, должно быть, караулил за дверью.

— Сестренка, тебя действительно укусил аристократ?

Вся жизнь парнишки прошла в этих диких местах, и он прекрасно знал, какова судьба несчастных с метиной дьявольского поцелуя на горле.

Юная красавица, только что с помощью кнута выпроводившая бугая вдвое выше и толще себя, стояла, как пригвожденная, не в силах вымолвить и слова.

— Нет, не может быть!

— Мальчик вдруг кинулся к сестре и крепко обнял ее.

Грусть и тревога, с которыми он безуспешно сражался, выплеснулись наружу в потоке горячих слез.

— Только не ты, только не тебя!

Я останусь совсем один...

Нет, не может быть!

Он не желал, чтобы услышанное было правдой, но понимал, что тут ничего не поделаешь, и беспомощность лишь усиливала горе.

— Все в порядке,

— выдавила Дорис, похлопывая братишку по плечу.

Она тоже боролась со слезами.

— Никакой паршивый аристократишка меня не кусал.

А то, что у меня на шее, так это дело клопов.

Я прятала следы, чтобы не расстраивать тебя.

Словно луч света озарил зареванную мордашку.

— Правда?

Нет, правда?

— Угу.

Вот и все, что потребовалось, чтобы успокоить паренька,

— настроение Дэна изменилось мгновенно и на все сто, таким уж он обладал характером.

— А что нам делать, если народ в городе поверит вракам Греко и ломанется сюда?

— Ты же знаешь, драться я умею.

К тому же здесь ты...

— И Ди!

Лицо девушки омрачилось.

Вот вам разница между тем, кто осведомлен, как работают охотники, и тем, кто еще не в курсе.

Хотя мальчика же не поставили в известность, что Ди — охотник.

— Побегу спрошу его!

— Дэн...

Но остановить брата Дорис не успела

— паренек уже умчался в гостиную.

Девушка бросилась за ним

— и вновь опоздала.

Дэн уже обращался к молодому человеку на софе, обращался абсолютно доверительным тоном:

— Типчик, только что улепетнувший отсюда, пытается уговорить мою сестру выйти за него и грозит, что иначе раззвонит о ней гадость, самую гнусную ложь!

Он вернется с кучей народа из города, точно говорю.

И они заберут сестренку.

Пожалуйста, спаси ее, Ди.

Представив неизбежный ответ, Дорис невольно зажмурилась.

Проблема даже не в самом ответе, а в эффекте, который он произведет.

Холодный, твердый отказ оставит в хрупком сердце мальчика глубокую рану

— возможно, незаживающую.

Но охотник на вампиров сказал:

— Предоставь это мне.

Никто и пальцем не прикоснется к твоей сестре, я не позволю.

— Отлично!

Лицо мальчишки засияло, что солнечное утречко.

Тогда заговорила Дорис, стоявшая за спиной брата:

— Завтрак скоро будет готов.

А перед едой, Дэн, проверь-ка терморегуляторы в парниках.

Парнишка живо кинулся выполнять поручение.

Едва он исчез из виду, Дорис повернулась к лежащему ничком Ди:

— Спасибо.

Мне известен железный закон охотников: они и пальцем не пошевелят, если дело не касается их непосредственного объекта преследования.

Я не в том положении, чтобы выражать недовольство.

А ты отказал, но при этом не сделал ребенку больно... и, похоже, он любит тебя как старшего брата.

— И все же я отказал.

— Знаю.

Помимо твоей работы, я не вправе просить большего

— но спасибо за те слова, что ты сказал Дэну и как ты их сказал.

Со своими проблемами я справлюсь сама.

И чем скорее ты сделаешь свое дело, тем лучше.

— Точно.

Голос Ди звучал как обычно, бесстрастно и мучительно сухо.

И удивляться тут было нечему.

Как и следовало ожидать, «компания» прибыла именно тогда, когда наша троица заканчивала свой исключительный завтрак.

Исключительным его делало то, что Ди съел вдвое меньше юного Дэна.

Меню состояло из ветчины и яичницы колоссальных размеров

— яичницы из яиц несушек-мутантов, около полуметра в диаметре, уложенной на дюймовый ломоть бледной домашней свининки,

— а также черного, с пылу с жару, хлеба и виноградного (сорта «Гаргантюа», выведенного непосредственно на ферме) сока.

Естественно, свежавыжатого: сок одной виноградины едва поместился в три больших стакана.

И это только основные блюда; еще имелись большущая миска салата и целый чайник ароматного травяного чая.

Только такая ферма, как у Лэнгов, могла предложить столь богатое меню.

Одной лишь свежести продуктов было бы достаточно, чтобы человек средних appetitов с удовольствием уплел вторую, а то и третью порцию.

Бодрящее утреннее солнышко и гигантские букеты лаванды, украшающие стол, как неотъемлемая часть сокровенного ритуала, придавали всем собравшимся за завтраком сил, столь необходимых для жизни в землях Фронттира.

Несмотря на это, Ди довольно быстро отложил вилку и нож, после чего удалился в дальнюю комнату, что наконец-то показала ему Дорис.

— Странно.

Может, ему нездоровится?

— Да, наверное...

И хотя Дорис делала вид, что все в порядке, она живо представила, как Ди в спальне поглощает свой собственный

— особый!

— завтрак, и ей стало дурно.

— И ты, сестренка?

Да что ж такое?

Понимаю, он тебе нравится и все такое, но не вздумай заболеть только потому, что ему худо!

Дорис едва не набросилась на братца с кулаками

— а не дразнись, не дразнись!

— но вдруг напряженно замерла.

Где-то неподалеку грохотали копыта.

Очень много копыт.

И звук приближался.

— Проклятие, они идут!

— воскликнул Дэн, бросаясь к стене, на которой висела лазерная винтовка.

Мальчик хотел позвать Ди, но рука Дорис запечатала ему рот.

— Но почему?

— возмутился паренек.

— Это наверняка Греко со своими отморозками...

— Нескрываемое отвращение звучало в голосе Дэна.

— Сперва поглядим, может, мы и вдвоем справимся.

Если нет, тогда, возможно...

Дорис прекрасно понимала, что вне зависимости от того, что будет происходить с ней и ее братом, Ди решительно ничего не предпримет.

Вооружившись хлыстом и винтовкой, брат с сестрой вышли на крыльцо.

Девушка позволила восьмилетнему мальчишке присоединиться к ней, потому что закон Фронтيرا гласил: если ты и твоя семья не защищаете свои жизни и имущество, никто другой

их не защитит.

Если вечно полагаться на кого-то, среди драконов и големов не протянешь и недели.

Долго ждать не пришлось — дюжина всадников предстала перед Лэнгами.

— Мама дорогая, кого я вижу!

Самые сливки нашей маленькой общины во всей красе!

Крохотная фермочка вроде нашей не заслуживает столь почетных гостей!

— Приветствуя прибывших таким образом, Дорис внимательно следила за мужчинами во втором и третьем рядах.

Впереди выступали такие известные всем сельчане, как шериф Люк Далтон, доктор Сэм Ферринго и мэр Рохман, папаша Греко с необычайно сальной для шестидесятилетнего старика физиономией.

От этой троицы сюрпризов ожидать не приходилось, но за ними теснилась толпа свирепых головорезов, у которых руки так и чесались пустить в дело, едва только представится возможность, свои «магнумы» и тепловые пистолеты

— дабы навести порядок, конечно.

Все они были наемниками, работавшими на ранчо мэра Рохмана.

Дорис без страха переводила взгляд с одного на другого, пока не наткнулась на знакомое лицо, маячившее за спинами седоков.

Девушка преисполнилась презрения

— как это похоже на Греко: когда заваривается каша, заткнуть свое грязное хайло, найти самое безопасное местечко и сделать вид, что он и понятия не имеет о том, что происходит.

— Итак, что вам угодно?

Первым — видимо, по общей договоренности

— заговорил мэр Рохман:

— Как будто ты не знаешь.

Мы здесь из-за отметин, которые ты прячешь под шарфом.

Сейчас ты покажешь их доктору Ферринго, и если с ними все в порядке, то отлично.

Если же нет... что ж, тогда, к сожалению, нам придется поместить тебя в лечебницу.

Дорис насмешливо фыркнула:

— Значит, вы поверили той чуши, которую наплел этот чертов балбес, твой сынок?

Он пять раз предлагал мне выйти за него замуж, и каждый раз я давала ему от ворот поворот.

Остался он с носом, потому и распространяет всякие враки.

А тебе лить грязь не к лицу, мэр ты или нет.

Девушка блефовала так гладко, что мэр не нашелся, что ответить.

Его бычья рожа побагровела от ярости.

— Точно!

Мою сестру не кусал никакой вампир!

Так что пошел прочь, старый извращенец!

— выкрикнул прижавшийся к боку Дорис Дэн, доведя мэра до ручки.

— Как ты смеешь называть меня старым извращенцем, на что намекаешь?

Ты... ты... мерзкий крысеныш!

Говорить нечто подобное мэру, даже в шутку...

Это и есть извращение!

Чтоб ты знал...

Старик вышел из себя.

Возможно, он и держал в руках все бразды правления городом, но оставался при этом всего лишь мэром крохотного поселения.

Одно прикосновение к больному месту

— и самообладание Рохмана лопнуло, точно мыльный пузырь.

В этом он не так уж и отличался от головорезов, сгрудившихся за ним в наглое хамское стадо.

Но тут взвыл Греко:

— Они нас дурачат!

Парни, не слушайте их, хватайте всех!

Спалим этот проклятый дом!

Буяны поддержали его воплями «Чертовски верно!» и «Да, чтоб мне провалиться!»

— Всем молчать!

Кто вякнет, будет иметь дело со мной!

Это рявкнул шериф Далтон, и Дорис чуть-чуть успокоилась.

Разменявшему четвертый десяток честному и сообразительному шерифу привыкли доверять.

Даже громилы послушались его.

— И вы с ними, шериф?

— вполголоса спросила девушка.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что поняла, Дорис.

У меня, как у шерифа, есть некоторые обязанности.

В их число входит и проверка твоей шеи.

Я не желаю, чтобы события вышли из-под контроля.

Если все в порядке, одного взгляда будет достаточно.

Сними шарф, и доктор осмотрит тебя.

— Он прав,

— поддержал шерифа приподнявшийся в седле доктор Ферринго.

Они с мэром были ровесниками, но в отличие от него доктор, получивший медицинское образование в Столице, выглядел интеллигентным пожилым джентльменом.

Некогда отец Дорис и Дэна был его студентом в образовательном центре, и теперь этот добросердечный человек каждодневно беспокоился о благополучии сирот.

И только ему Дорис не могла сейчас посмотреть в глаза.

— Вне зависимости от результатов осмотра, мы не хотим тебе зла.

Предоставь это мне и шерифу.

— Все равно она отправится в лечебницу!

— прошипел откуда-то сзади невидимый в толпе Греко.

— По нашим правилам любой, у кого обнаружат укусы, изолируется в клинике, вне зависимости от того, кто он.

И если мы не сумеем избавиться от аристократа... хе-хе... то выставим девку как наживку для монстра!

Шериф повернулся к Греко и взревел:

— Заткнись ты, чертов идиот!

Сынок мэра поперхнулся, но то, что его окружали наемники, придало наглецу сил:

— Ладно-ладно, стоит кому нацепить бляху, и он становится упрямей осла.

Но прежде чем снова грубить мне, проверь шею этой сучки.

В конце концов, именно за это мы тебе платим, верно?

— Что ты сказал, мальчишка?

— Если бы взглядом можно было убить, то Греко сейчас уже валялся бы бездыханным.

Руки головорезов немедленно потянулись за оружием.

Ситуация становилась все напряженнее.

— Прекратите!

— рявкнул мэр, обращаясь ко всей компании.

— Что мы докажем, передравшись друг с другом?

Мы приехали, только чтобы взглянуть на шею девчонки, и мы это сделаем, вот и все.

Шерифу и головорезам пришлось нехотя согласиться.

— Дорис,

— окликнул девушку шериф несколько резче, чем прежде,

— лучше тебе снять шарф.

Дорис лишь еще крепче сжала в кулаке хлыст.

— А если я скажу, что не хочу?

Шериф онемел.

— Взять ее!

Повинуясь крику Греко, конные наемники кинулись вперед.

Плеть Дорис взметнулась, готовясь дать отпор клинкам и пистолетам.

— Стоять!

— гаркнул шериф, но, похоже, его приказы уже утратили силу, и вот, когда битва уже почти началась, всадники разом остановились.

Или, если точнее, их лошади, судорожно дернувшись, застыли на месте.

— Что на вас нашло?

Вперед!

Скакуны не шевелились, как их ни прищпоривали.

Если бы мужчины могли посмотреть в глаза животным, то увидели бы в темных зрачках блеск невыразимого ужаса, того всепоглощающего страха, который не позволял лошадям двигаться дальше, даже чтобы развернуться и убежать.

А потом все взгляды сошлись на великолепном юноше в черном, загородившем переднюю дверь, хотя никто не заметил, когда он появился.

Даже солнечный свет, казалось, поблек, потускнел и стал литься медленнее.

Лишь внезапному порыву ветра удалось вывести людей из оцепенения, и они принялись тревожно переглядываться.

— А ты, к дьяволу, кто такой?

— Мэр изо всех сил старался, чтобы его голос, в соответствии с его статусом, звучал угрожающе, но не мог унять дрожи.

Было в юнце нечто тревожащее, что взбаламучивало самые тихие воды глубокого омуты человеческой души.

Дорис обернулась, пораженная, в то время как лицо Дэна засияло от радости.

Без лишних слов Ди остановил Дорис, не дав ей произнести то, что она, несомненно, собиралась сказать, и встал перед Лэнгами, словно заслоняя их. В правой руке он держал меч.

— Я Ди.

Меня наняли эти люди.

Произнося это, он смотрел не на мэра, а на шерифа.

Далтон слегка кивнул.

Он с первого взгляда понял, кем на самом деле является представший перед ними юноша.

— Я шериф Далтон.

А это мэр Рохман и доктор Ферринго.

Остальные так, мелкая шушера.

— Представив таким образом своих спутников, шериф добавил: — Ты охотник, верно?

Это видно по твоим глазам, по тому, как ты держишься.

Припоминаю, я, кажется, слышал что-то о человеке невероятного мастерства, который путешествует по Фронтиру и называет себя Ди.

По слухам, его меч быстрее лазерного луча и прочих подобных штучек.

Слова эти можно было счесть похвалой, но Ди ничего не ответил на это.

Шериф твердо продолжил:

— Только вот еще говорят, что этот охотник специализируется на вампирах.

И что сам он — дампир.

И именитые горожане, и наемные громилы

— все охнули и застыли.

Как и Дэн.

— Ой, Дорис!

Значит, тебя действительно...

— Доктор Ферринго с трудом выдавил из горла безнадежные слова.

— Да, эта девушка укушена вампиром.

И меня наняли, чтобы уничтожить его.

— В любом случае самого факта укуса достаточно, чтобы не позволить ей оставаться здесь.

Она отправится в лечебницу, — провозгласил мэр.

— И не подумаю,

— отрезала Дорис.

— Я никуда не пойду и не брошу Дэна и ферму без присмотра.

И если вы твердо намерены избавиться от меня, предупреждаю, я просто так не дамся.

— Ладно-ладно,

— угрожающе протянул Греко.

Упрямая независимость девчонки пробудила в нем злопамятность отвергнутого ухажера.

Он мотнул головой наемникам, в чьих глазах горел сумрачный змеиный огонь.

Буяны уже собирались разом спешиться, но в этот миг их лошади дружно, не обращая внимания на усилия седоков, поднялись на дыбы.

Всадники, все до единого, успев лишь вскрикнуть «ой!», «ай!» или «ох!», оказались на земле.

Солнечный воздух наполнился людскими стонами и конским ржанием.

Ди снова повернулся к шерифу.

Понял ли Далтон, что один мимолетный взгляд охотника подчинил животных, так и осталось неизвестным.

Нить напряженного, не поддающегося описанию страха протянулась между двумя мужчинами, накрепко связав их.

— У меня есть предложение...

— Едва Ди заговорил, шериф принялся кивать, точно болванчик, заранее соглашаясь.

— Не делайте ничего с девушкой, пока я не закончу свою работу.

Если мы благополучно выйдем из ситуации, то все будет в порядке.

Если же нет...

— Уверю всех, я и без вас позабочусь о себе.

Если лорд одолеет его, я сама вгоню кол себе в сердце,

— отрезала Дорис.

— Не дайте ей одурачить вас!

Этот шут в сговоре с аристократом.

Нельзя заключать с ним сделок

— я уверен, он тут, чтобы превратить в вампиров всех и каждого в Рансильве!

— Дважды за день потерпевший неудачу, Греко надрывался от крика, стоя на четвереньках для надежности.

— Надо разобраться с сучкой!

Нет, лучше отдадим ее лорду.

Тогда он не придет за какой-нибудь другой женщиной.

С громким «пфф!» из земли прямо перед лицом Греко вырвался столб пламени четырех дюймов в диаметре.

Грязь, не выдержав двадцати тысячеградусной жары, вскипела, и огонь прыгнул на прыщавую физиономию Греко, поджарив ему верхнюю губу.

Мучительно, по-звериному взыв, раненый отшатнулся и повалился на спину.

— Еще одна гадость о моей сестре, и следующей станет твоя голова,

— пригрозил Дэн, твердо направив ствол своей лазерной винтовки в лицо Греко.

Отдача у этого оружия отсутствовала, но чтобы ребенок ростом не выше длины винтовки так мастерски обращался с ней, было делом неслыханным.

Шериф с ухмылкой

— отнюдь не сердитой

— заметил:

— Отлично, малыш.

Тогда Ди мягко обратился к Далтону:

— Видишь, какой у нас свирепый телохранитель.

Можете попытаться пойти напролом, но тогда многим без всякой необходимости будет причинен вред.

Просто подождите.

— Ну, по мне, так кое-кому здесь небольшой вред только на пользу,

— буркнул шериф, коротко зыркнув на стонущую толпу головорезов.

— Док, что скажешь?

— А почему ты не спрашиваешь меня?!

— Мэр заорал так, что вены на его шее вздулись.

— Думаешь, этому бродяге можно доверять?

Надо запереть девчонку в лечебнице, как предложил мой мальчик!

Шериф, приказываю немедленно взять ее!

— Оценка жертв вампира

— моя обязанность,

— спокойно заметил доктор Ферринго, извлек из одного из своих внутренних карманов сигару и сунул ее в рот.

Сигару не дешевую, не из тех, что на восемьдесят процентов состоят из мусора,

— местные ловкачи свертывают еще и не такие.

Это была сигара высшего сорта, в целлофановой обертке, с печатью Столичной табачной монополии

— сокровище доктора Ферринго.

Он слегка кивнул Дорис.

Хлыст девушки, тихо присвистнув, взлетел...

— Ай!

— истерично взвизгнул мэр и схватился за нос.

Один легкий поворот кисти Дорис

— и сигара перекочевала изо рта доктора в ноздрю мэра.

Не обращая внимания на лопающегося от ярости старика, доктор громко провозгласил:

— Отлично, я констатирую, что инфекция вампиризма у Дорис Лэнг самой низшей стадии.

Предписываю ей домашний покой.

Шериф Далтон, мэр Рохман, вы согласны?

— Да, сэр,

— удовлетворенно кивнул шериф, при этом поглядев на Ди.

Как-никак шериф клялся защищать закон.

— При следующих условиях.

Полагаюсь на слово этого отличного охотника и отказываюсь от дальнейших споров.

Только позвольте кое-что прояснить: мне жутко не хочется вгонять кол кому-нибудь из вас в сердце.

Не хочется, но, если потребуется, я сделаю это, не колеблясь.

— И, с состраданием посмотрев на детей Лэнг, попрощался с ними:

— Жду не дождусь дня, когда смогу отведать вашего знаменитого виноградного сока.

Эй вы, грязные псы, ну-ка живо по коням!

И предупреждаю, если кто в городе хоть пикнет об этом деле, я швырну его в электро-тюрьму, попомните мои слова!

Толпа исчезла за холмом; громилы то и дело оглядывались

— кто с ненавистью, кто с жалостью, а кто и с воодушевлением.

Ди уже седлал лошадь, когда Дорис попросила его задержаться.

Он спокойно обернулся к девушке, и та сказала:

— Ты очень странный охотник.

Берешь на себя работу, которую не обязан брать и за которую я не смогу тебе заплатить.

— Это не работа.

Это обещание.

— Обещание?

Кому?

— Твоему маленькому телохранителю.

— Он мотнул подбородком в сторону Дэна и, заметив, как напрягся мальчик, спросил:

— Что-то не так?

Ты ненавидишь меня, потому что я, возможно, «в сговоре с аристократом»?

— Не-а.

Паренек тряхнул головой, вдруг личико его сморщилось, и он горько зарыдал.

Юный герой, минуту назад поставивший на место Греко, снова стал восьмилетним ребенком.

Продолжая реветь, мальчик крепко обнял Ди за пояс.

Дэн не плакал почти три года, с тех пор, как умер их отец.

Наблюдая, как его сестра в одиночку борется с трудностями, паренек тайно выпестовал в своем маленьком сердечке и гордость и решительность.

Естественно, жизнь Фронтيرا была нелегка и сурова и для него тоже.

И вот, почувствовав, что его могут лишиться единственного родного человека, мальчик забыл все и вцепился не в сестру, а в чужака, только вчера появившегося в его жизни.

— Дэн...

Дорис потянулась к брату, но Ди мягко отвел ее руку, не дав прикоснуться к плечу мальчика.

Вскоре рыдания Дэна стали затихать, и тогда Ди опустился на деревянное крыльцо на одно колено и заглянул в залитое слезами лицо паренька.

— Посмотри на меня,

— тихо, но отчетливо произнес он.

Услышав прозвучавшее в голосе охотника ободрение, Дорис, пораженная, распахнула глаза.

— Обещаю тебе и твоей сестре, что убью аристократа.

Свое слово я держу всегда.

А теперь ты пообещай мне кое-что.

— Конечно,

— закивал Дэн.

— С этого момента, если тебе захочется кричать или плакать, что ж, это твое право.

Делай все что угодно.

Но, что бы ты ни делал, не давай плакать сестре.

Если тебе покажется, что твои рыдания расстроят ее

— сдержи их.

Если поддашься эгоизму и твоя сестра все-таки заплачет, сделай так, чтобы она вновь улыбнулась.

В конце концов, ты мужчина.

Верно?

— Конечно!

— Мальчик засиял, он так и лучился гордостью.

— Хорошо, тогда окажи любезность своему старшему брату и накорми его лошадь.

Мне скоро ехать по делу.

Паренек умчался прочь, а Ди молча направился в дом.

— Ди, я...

— Голос Дорис звучал так, словно на ее плечи лег тяжкий груз.

Не обращая внимания на слова девушки, охотник на вампиров сказал просто:

— Иди в дом.

Прежде чем отправиться, я хочу наложить на тебя легкие защитные чары.

Сказал

— и исчез в темном пустом коридоре.

<http://tl.rulate.ru/book/51824/1303002>